

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Данная статья посвящена реализации политики государства в отношении Русской православной церкви (РПЦ), которая прошла путь от силовой политики к политике сдерживания и согласованных действий в постперестроечный период. Особое внимание уделяется периодам обострения отношений, когда прессинг власти был особенно ощутим и выразился в ужесточении религиозного законодательства, проведении агрессивно-наступательной атеистической пропаганды, в неоправданном администрировании верующих.

Ключевые слова: политика государства, Русская православная церковь, верующие, антирелигиозная пропаганда, атеистическая работа.

На рубеже XX–XXI вв. в России наблюдается религиозный ренессанс, растет количество зарегистрированных в качестве юридических лиц религиозных организаций. В настоящее время функционируют свыше семидесяти религиозных направлений и течений. Получили распространение нетрадиционные и ранее неизвестные в России религии. В то же время доминирующей конфессией остается православие.

Исключительно важное значение имеет анализ политики государственной власти в отношении самой многочисленной конфессии – Русской православной церкви (РПЦ). Выстраивание государственно-церковных отношений – одна из насущных проблем в истории России, которая является актуальной и на сегодняшний день. Распад СССР и последовавшее за этим разрушение системы взаимоотношений государства с различными институтами общества, переосмысление роли последних с учетом процесса демократизации определили формирование принципиально нового типа государственно-церковных отношений. В соответствии с ним социально-политическая жизнь российского общества характеризуется значительным усилением роли религиозных объединений и в то же время появлением некоторых опасных клерикальных тенденций.

При освещении данной проблемы в советской историографии десятилетиями доминировал «однобокий подход». Соответственно, данные отношения рассматривались как непримиримая борьба всего нового и прогрессивного со старым и давно изжившим себя. В исследованиях обнаруживались «оголтелые» атеистичес-

кие нападки на церковь и ярко выраженный антирелигиозный пафос. Постсоветский период историографии данной проблемы характеризовался отходом исследователей от идеологических штампов прежних лет и однобоких схем в трактовке и рассмотрении государственно-церковных отношений к взвешенному теоретическому анализу сущности и социальной роли религии в трансформирующемся обществе.

В историю развития государственной политики в отношении РПЦ на различных этапах внесли свой вклад региональные исследователи, священнослужители.

Исследователь «Большого Урала» Т.А. Чумаченко проанализировала развитие государственно-церковных отношений в СССР в 1958–1964 гг. В частности, в своей монографии автор отмечала, что одной из предпосылок антицерковной кампании Н.С. Хрущева явилась смена поколений в руководстве Совета по делам РПЦ при СМ СССР (СДРПЦ при СМ СССР). С назначением весной 1960 г. председателем Совета В.А. Куроедова, опытного аппаратчика и идеологического работника, «начавшийся административный натиск на Церковь, на верующих и духовенство приобрел характер политической войны». При этом главной причиной кампании Т.А. Чумаченко считала «общую глобальную задачу», поставленную в повестку дня советского общества начала 1960-х гг., – строительство коммунистического общества, и возложила особую ответственность за развязывание новой антицерковной кампании на Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, в руках которого

СДРПЦ оказался всего лишь «инструментом» [35, с. 180–181, 221].

Религиовед Южного Урала В.В. Коваленко утверждал, что политика государственно-церковных отношений в СССР во многом была привязана к международному фактору, который определялся как реагирование на требование мировой общественности. Советское государство поставило церковь на свою службу, подчинило ее своим интересам. Автор считает, что в период перестройки церковь находилась под ярко выраженным внешнеполитическим давлением партийно-государственного руководства. С ней начинают заигрывать, но в политику не допускают [22, с. 167].

Для понимания механизма формирования государственно-церковных отношений в советский период следует отметить современные работы таких ученых, как Л.И. Футорянский, А.В. Федорова, Р.Р. Хисамутдинова, В.Н. Якунин.

Крупный специалист по истории казачества России и Южного Урала, профессор Л.И. Футорянский в своих работах обратился к проблемам взаимоотношения власти и церкви, исследуя многонациональный и поликонфессиональный состав казачества, процесс реабилитации репрессированных священнослужителей РПЦ в конце 1920-х–1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны [31, 32]. Профессор А.В. Федорова рассматривала деятельность Русской православной церкви в 1930–1940-е гг. [27, 28, 29] Профессор Р.Р. Хисамутдинова также характеризовала РПЦ в тяжелые годы войны, уделила внимание антирелигиозной пропаганде в довоенное время [33,34]. Самарский ученый В.Н. Якунин проследил связь между новыми тенденциями, появившимися в предвоенные годы в политической и духовной сферах, выявил причины, которые привели к изменению религиозной политики в отношении РПЦ [37].

Священнослужитель Пермской епархии протоиерей Алексей (А.Н. Марченко) в своей монографии раскрыл механизм государственного давления на организационные структуры Московской патриархии, в частности, на религиозную жизнь уральских епархий РПЦ. Центральное место в монографии отведено «хрущевской церковной реформе», механизмы которой разрушали церковные структуры и впо-

следствии эффективно практиковались атеистически настроенной властью в периоды застоя и перестройки. Оценивая церковную реформу, А.Н. Марченко справедливо отметил, что она была проведена в интересах государства, в результате чего сложилась всеобъемлющая, достаточно эффективная система незаконного государственного контроля за деятельностью РПЦ, противоречившая Конституции СССР и нормам международного права [23, с. 196].

Большой вклад в изучение религиозной жизни Курганской области внес ученый М.Н. Федченко. Охватывая период с момента исторической встречи Сталина с церковными иерархами в 1943 г. до начала 2000-х г., автор подробно рассмотрел деятельность церковных приходов и их священнослужителей, акцентировал внимание на финансово-хозяйственном состоянии христианских общин, в том числе православных, старообрядцев и истинно-православных христиан [30]. При всем при этом не уделено внимание проведению антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания среди населения, что стало одним из аспектов изучения данного исследования.

В 2004 г. А.Н. Потапова защитила диссертацию, объектом которой стала религиозная политика на Южном Урале в 1941–1958 гг. В работе выделены причины обострения государственно-церковных отношений в 1953–1958 гг., обусловленных причинами политического характера, а также идеологическими и социальными факторами. Также исследователь указала на противоречивость религиозной политики этого периода, отмечая, с одной стороны, наступление на религию, включавшее административно-запретительные и просветительные мероприятия, а с другой – неизменность числа действующих православных приходов, сохранение количественного состава духовенства, отказ от применения жестких репрессивных мер. Подчеркивая одновременно непоследовательный характер политики государства, автор отметила, что «религиозная свобода превращалась в религиозную терпимость, допускавшая вмешательство власти во внутренние дела и осуществление командно-административной практики в отношении духовенства и верующих» [25, с. 26].

Ю.В. Назарова исследовала конфессиональную политику в Южно-Уральском регио-

не в постсоветский период и пришла к выводу, что региональной моделью взаимодействия органов исполнительной власти и религиозных объединений является социальное партнерство. Но, определив социальное служение и благотворительность как приоритетные направления, справедливо отметила, что «внекультурная деятельность религиозных объединений должна быть под контролем государственных органов, иначе представленная свобода перерастет в бесконтрольность и будет иметь негативные последствия» [24, с. 18].

Сущности изменений и взаимоотношений РПЦ с государством и интеллигенцией в 1988–2000-х гг. в Челябинской области посвящена работа А.В. Ермолюк, подчеркнувший, что «системные изменения в стране обусловили постепенное расширение возможностей Церкви участвовать в жизни общества» [18, с. 19].

Интересна современная интерпретация событий прошлых лет в статье историка и социолога Е. Жидковой «Антирелигиозная кампания времен «оттепели» в Куйбышевской области». Она отметила, что хотя «... институт церкви не вписывался в проект насильственной модернизации советского общества, но и не отмирал. Штурмовой прорыв советского общества к столь близкому коммунизму требовал окончательного разрыва с идеологически чуждой религией», воинствующий атеизм был не только «языковой конструкцией, но и стал частью советской идентичности» [21].

Весомый вклад в историографию вопроса внесли ученые Оренбуржья В.В. Амелин, М.Н. Ефименко, С.В. Джораева и др., которые рассмотрели отдельные аспекты государственно-конфессиональных отношений в советский период и на современном этапе.

Президент Ассамблеи народов Оренбуржья В.В. Амелин исследовал развитие государственно-конфессиональных отношений в социологическом аспекте: изучил динамику роста численности организаций по конфессиям, выявил степень религиозности населения, их отношение к религии, а также межконфессиональные отношения [1, с. 83–92]. В.В. Амелин совместно с В.Н. Рагузиным в результате проведенных социологических исследований в приграничных с Казахстаном районах Оренбуржья пришли к выводу, что в развитии общественно-политической ситуации конфес-

сиональные позиции и межконфессиональные отношения все чаще выступают заметным фактором влияния, резонирующим этнические процессы [2, с. 38].

Ведущий религиовед Южного Урала М.Н. Ефименко посвятила монографию изучению религиозных конфессий с философских позиций. Автор рассмотрела особенности религиозной традиции Южно-Уральского региона в процессе влияния на нее совокупности географических, политических, исторических, экономических, профессиональных и других факторов. М.Н. Ефименко утверждает, что на регионально-провинциальном уровне религиозная традиция глубоко проникает в различные сферы жизни человека, особенно в бытовую, чем в центральных, более динамичных районах [19, с. 270–271].

С.В. Джораева проанализировала государственно-церковные отношения в современной России в философско-историческом ключе. На основании изучения развития религиозного законодательства, характеристики церковных документов, предлагая различные модели государственно-церковных отношений, автор сделала вывод о необходимости создания в системе исполнительной власти специального органа, занимающегося религиозными вопросами. По мнению исследователя, это необходимо сделать, чтобы устранить возможные нарушения принципа свободы совести [14, 15, 16].

Таким образом, для региональной постсоветской историографии стали характерными: возросший объем исследований на базе рассекреченных документов и материалов, объективность и критическое отношение к политике власти, изучение отдельных аспектов религиозной жизни. Вместе с тем практически отсутствуют работы, посвященные государственной политике в отношении РПЦ во второй половине XX в.

Религиозная политика государства в этот период претерпела определенную эволюцию и представляла собой сложный, неоднозначный и противоречивый процесс. В государственной политике этот путь был отмечен рядом крутых поворотов: от политики конфронтации и силовых методов решения к политике инерционности в «спокойно-застойные» времена до поиска путей понимания и движения навстречу друг другу в годы перестройки и к коорди-

нации и гармонизации государственно-церковных отношений в постсоветский период.

Изучение истории государственно-церковных отношений на Южном Урале и Среднем Поволжье во второй половине XX в. позволило выделить три этапа его эволюции.

Первый этап религиозной политики государства – середина 1950-х – середина 1970-х гг. Ориентиром данного периода стали такие объективные факторы, как смена лидерства в стране, изменение государственной политики в области религии, выразившееся в отказе от взаимно комплиментарных отношений, сложившихся в трагическое для СССР время, и начало новой волны антирелигиозной кампании. Попытка либерализации общественной жизни страны, предпринятая Н.С. Хрущевым, отнюдь не стала логическим продолжением ее в религиозной политике, для которой «оттепель» стала «холодной». Повышение религиозной активности населения, характерная для военного времени и послевоенного десятилетия, с одной стороны, и снижение результативности атеистической пропаганды – с другой, вызвали обеспокоенность в верхних эшелонах власти и стали, в определенном смысле, катализатором смены курса государственной политики в религиозной сфере.

Реализация политики государства в отношении РПЦ в рассматриваемый период носила агрессивно-наступательный характер, в которой были задействованы все партийно-государственные органы власти. Только за период с 1954 по 1964 гг. вышло около десятка антирелигиозных решений и постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, имевших «закрытый» характер и направленных на свертывание деятельности религиозных организаций, ущемление прав верующих и духовенства вплоть до административной и уголовной ответственности. Репрессивным действиям подверглись священники С.А. Иваненко и Ф.С. Володин, верующий В.И. Почуйкин [38, с. 243].

Государство грубо вмешивалось также в принципиальные вопросы по административному устройству и управленческой деятельности церкви. Это особенно проявилось в апреле 1961 г. в связи с навязанной властью реформой в области управления церковью, когда священнослужители были отстранены от руководства финансово-хозяйственной дея-

тельностью и переведены на фиксированные оклады. В их компетенции находилась только богослужebная деятельность в рамках своих приходов. К управлению церкви были привлечены светские лица, подведомственные органам советской власти на местах.

Для решения глобальной задачи построения «светлого будущего» КПСС активно проводила агрессивную атеистическую пропаганду, которая носила всеобъемлющий и всепроникающий характер. Атеистическая работа охватывала все категории населения. Для повышения эффективности атеистической пропаганды широко использовались достижения науки и техники, включая социологические исследования, средства массовой информации. Такая массивная антирелигиозная работа не могла не повлиять на сознание советских людей и породила у них индифферентное отношение к религии, а часть были вынуждены занимать конформистские позиции. Среди духовенства прошла волна «отреченства» от сана. Это затронуло Куйбышевскую и Оренбургскую епархии (священник Петропавловской церкви И. Гусаров, священнослужитель Успенской церкви И. Бородин) [3, 20].

К концу 1960-х гг. гонения на верующих носили более утонченный характер, декларировалась необходимость «соблюдения законности» в вопросах религии, борьба с которой облекалась в квазиправовые формы, типа «отказа в регистрации» некоторых религиозных объединений. Однако, следует отметить, что в научно-атеистической пропаганде не было определенной последовательности, системности и чаще всего она приобретала черты формальности, рутинности, эпизодичности, идеологизированности.

Итогом двадцатилетней массивной антирелигиозной работы стало значительное сокращение религиозных объединений в епархиях. Так, в Оренбургской области из 23 церквей осталось 13, в Челябинской области из 29 – 15, в Курганской области из 14 – 10, в Куйбышевской епархии из 19 церквей функционировало 18 [4, 5, 6, 7, 8, 9].

Для второго этапа – середина 1970-х – конец 1980-х гг. – характерен рост значимости и влияния религиозных организаций в решении внешнеполитических задач страны на мировой арене. Опубликованный в 1975 г. Указ Прези-

диума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и подписание Хельсинских соглашений имели своей целью продемонстрировать мировой общественности гарантии свободы совести в СССР. Власть позволила себе пойти на определенные уступки верующим. Давление в отношении религиозных объединений и верующих было несколько ослаблено. Открытое заявление настоятеля Крестовоздвиженской церкви с. Зверино-головское Курганской области М.С. Арчажникова свидетельствовало о гласном недовольстве положением церкви и верующих в СССР. Он отказался голосовать на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы, что уполномоченный по делам религий В.П. Суднев объяснил «расстройством нервной системы» 70-летнего священника [11, л. 290, 326–336; 29, с. 50–59].

Основным механизмом регулирования религиозной жизни, являлся государственный контроль. С завидной регулярностью под грифом «секретно» выходили решения и постановления ЦК КПСС и СМ СССР, носившие запретительно-разрешительный характер, который выражался в применении административной и уголовной ответственности. Для принятых законодательно-правовых актов и документов были характерны: повторяемость, односторонность принимаемых решений, назидательность, начетничество, невосприимчивость нового, заидеологизованность, субъективизм и излишний оптимизм.

Вместе с решением правовой стороны «религиозной проблемы» власть настойчиво требовала от регионов активизации атеистической пропаганды и усиления воздействия на общественное сознание. Хотя атеистическая пропаганда расширялась, но уже не была столь наступательной и всеобъемлющей. Поиск новых форм, средств и методов пропаганды продолжался, но атеистическая работа все больше принимала инерционный характер. Атеисты действовали «без должной инициативы и наступательности, а порой даже примиренчески относились к религиозной обрядности», которая продолжала расти. Количество действующих церквей практически не изменилось. Власть все больше осознавала, что поли-

тика разрушения религии, провозглашенная КПСС, не оправдывала себя, но заведенная идеологическая машина не могла остановиться и работала в привычном для нее режиме, то есть по инерции, все чаще пробуксовывая.

Эпохальным событием в истории отношений государства и церкви стал 1988 год, посвященный 1000-летию Крещения Руси, что способствовало налаживанию диалога между ними и, как следствие, оживлению религиозной жизни на местах. Постановлением Священного синода от 10 апреля 1989 г. приходы Челябинской епархии были выделены из состава Свердловской и получили собственного архиерея Георгия (в миру Грязнов Александр Иванович) [35, с. 348–349]. В этом же году архиепископ Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычев) освободился от Ульяновской епархии и сосредоточил свои усилия на одной Куйбышевской [12, л. 4].

На современном этапе – 1990–2000 гг. – наблюдаются тенденции к координации и гармонизации действий государственно-церковных отношений. Крах коммунистической идеологии, утверждение реальной свободы совести в условиях обострения социально-экономического и политического кризиса, усилившийся после неудавшейся перестройки, обусловил рост религиозного самосознания людей. Существенную роль в этом сыграла отмена 6-й статьи советской Конституции, которая разрушила монополию на господствовавшие в обществе социалистические идеалы и ценности и, как следствие, стало причиной крушения государственной политики атеизма.

Принятый Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. стал очередным поворотным моментом, продемонстрировавшим слом старой системы и складывание новых государственно-церковных отношений. Если до этого периода религиозная политика и практика были запретительно-ограничительными, то с принятием закона приобретает заявительный характер. Государство и церковь начинают совместно искать приемлемые пути и формы совместного участия в жизни общества. Православное духовенство помимо своей богослужебной деятельности активно включилось в осуществление социального служения, духовно-нравственного воспитания молодого поколения, в борьбу с

«социальными болезнями». В обществе возрастает понимание роли РПЦ в духовном возрождении. Местные Советы все больше отказывались от бюрократических проволочек в регистрации религиозных обществ, не запрещали проведение публичных богослужений, помогали им в восстановлении храмов, выделении строительных материалов, денежных средств.

Сегодня отношения государства и церкви регламентируются Конституцией РФ 1993 г. и Законом РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., основанных на разрешительном принципе и административно-правовых нормах. Религиозными объединениями РПЦ был принят собственный документ «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.), в котором были провозглашены принципы взаимоотношений церкви с социумом и светским государством. Были заключены ряд соглашений о сотрудничестве местной власти с религиозными объединениями.

Государственная политика, проводимая в отношении РПЦ, предоставляет широкие возможности в полной мере выполнять присущую ей компенсаторную функцию, чего до сих пор она была лишена. Религиозные организации Оренбургской, Челябинской, Курганской и Самарской областей активно вовлекаются в социальную сферу жизни общества. Немаловажную роль религия играет в духовно-нравственном воспитании молодежи, в борьбе с «социальными болезнями». Для решения злободневных вопросов стали традиционными формы взаимодействия религиозных объединений друг с другом и государственными структурами, а именно: организация круглых столов, семинаров, конференций с участием представителей и других конфессий. В областных бюджетах заложены статьи финансирования религиозных организаций на восстановление и строительство новых храмов, монастырей, обителей, молитвенных домов, учебных заведений и т.д.

Новая религиозная ситуация нашла свое отражение в значительном увеличении числа религиозных объединений в рассматриваемых областях. Так, в Оренбургской области в 1990 г. составляло 34 зарегистрированных религиозных организаций РПЦ, в 2000 г. их уже насчитывалось 140 [26, с. 24–29]. В Челябинской области в 1990 г. зарегистрированных – 37 обществ РПЦ, в 2000 г. – 136 [17, с. 164-165;]. На 1 января 1991 г. на территории Курганской области функционировало 25 религиозных организаций РПЦ, а на 1 января 2004 г. насчитывалось уже 70 [29, с. 122]. В Самарской области в 1990 г. действовало 90 зарегистрированных религиозных обществ, в т.ч. 48 православных, на 1 января 2001 г. – 186 организаций РПЦ [10, с. 304; 13, л. 2].

Таким образом, реализация политики государства в отношении РПЦ на Южном Урале и Среднем Поволжье во второй половине XX в. прошла путь от силовой политики к политике сдерживания и согласованных действий в постперестроечный период. Государственная идеология принудительным образом трансформировалась под влиянием внешнеполитического фактора и обновления легально утверждаемых ценностей общечеловеческого значения, в силу которых произошел пересмотр религиозной политики государства. Власть уже не могла сдерживать деятельность православных культовых объединений в рамках действующего законодательства и была вынуждена принять ряд законодательных актов, носивших главным образом либеральный характер. Изучение истории и практики религиозной политики в СССР показало, что только путем диалога и сотрудничества возможно достижение взаимопонимания, толерантности и уважения в решении многих вопросов, поэтому церковь должна занимать достойное место в государстве.

11.05.2012

Список литературы:

1. Амелин, В.В. Этносоциальные процессы в Оренбуржье (постсоветский период) / В.В. Амелин – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2007. – 100 с.
2. Амелин В.В., Рагузин В.Н. Состояние этноконфессиональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбургской области (социологический аспект) / В.В. Амелин, В.Н. Рагузин – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2000. – 128 с.
3. Бородин, И. Почему я отрекаюсь от сана священника / И. Бородин // Южный Урал. – 1960. – 24 февраля.
4. Государственное учреждение «Государственный архив Курганской области (ГУ «ГАКО»)» Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 44. Л.36
5. Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» Ф. 617. Оп. 1. Д. 395. Л. 23; Д. 410. Л. 5.
6. Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области» Ф. П-92. Оп. 13 Д. 48. Л. 118

7. Государственное учреждение «Центр документации новой и новейшей истории» Ф. 371. Оп. 37. Д. 498. Л. 67
8. Государственное учреждение Самарской области «Государственный архив Самарской области» (ГУСО «ЦГАСО») Ф. 4089. Оп. 1 Д. 30. Л. 4-5.
9. Государственный архив Российской Федерации Ф. 6991. Оп. 6. Д. 658. Л. 132; Д. 657. Л. 67; Д. 3133. Л. 157;
10. Грешнов, Д. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений / Д. Грешнов // Информационный вестник «Самарская область. Этнос и культура». – 2005. – №4. – С. 25–27.
11. ГУ «ГАКО». Ф. Р – 1800. Оп. 1. Д. 14. Л. 290, 326-336.
12. ГУСО «ЦГАСО». Ф. 3219. Оп. 2. Д. 79. Л. 4.
13. ГУСО «ЦГАСО». Ф. Р – 3219. Оп. 2. Д. 87. Л. 2.
14. Джораева, С.В. Государственно-церковные отношения в СССР в 70-х, 80-х гг. (На примере Русской православной церкви) / С.В. Джораева // Социально-правовые вопросы становления правового государства. Сборник научных статей. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. аграрн. ун-та, 1999. – С. 345–349.
15. Джораева, С.В. Законодательная база, регулирующая современную церковную политику государства / С.В. Джораева // Социально-правовые вопросы становления правового государства. Сборник научных статей. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. аграрн. ун-та, 1999. – С. 279–288.
16. Джораева С.В., Медведко С.В. Отношение политических партий в России к религиозному вопросу / С.В. Джораева, С.В. Медведко // Религия и церковь в России и за рубежом: Информационный бюллетень: Российская академия Государственной службы при Президенте РФ. – 1996. – №7.
17. Духовные аспекты национальной безопасности. Исследования и публикации. – Челябинск, 2004. – 218 с.
18. Ермолюк, А.В. Взаимоотношения Русской православной церкви и интеллигенции в 1988–2000 гг. (по материалам Челябинской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Ермолюк. – Челябинск, 2007. – 23 с.
19. Ефименко, М.Н. Религии. Традиция. Общество. Опыт социально-философского анализа российского регионального развития: монография / М.Н. Ефименко – Оренбург: Издательство ОГИУ, 2001. – 296 с.
20. Жбанов, А. Будь верен до смерти / А. Жбанов // Благовест. – 1995. – №7.
21. Жидкова, Е. Антирелигиозная кампания времен «оттепели» в Куйбышевской области / Е. Жидкова // Неприкосновенный запас. – 2008 – №3 (59) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/2699-nerpikosnovennyj-zapas-359.html> – 24.11.09.
22. Коваленко, В.В. Русское православие в XX веке: государственно-церковные отношения в Советском Союзе / В.В. Коваленко – Оренбург: ОГУ, 2004. – 178 с.
23. Марченко, А.Н. «Хрущевская церковная реформа»: Очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона) / А.Н. Марченко – Пермь: изд-во Пермского гос. ун-та, 2007. – 200 с.
24. Назарова, Ю.В. Конфессиональная политика Российского государства в постсоветский период (на примере Южного Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.В. Назарова – Москва, 2009. – 27 с.
25. Потапова, А.Н. Религиозная политика Советского государства и ее осуществление на Южном Урале в 1941–1958 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00. 02. / А.Н. Потапова – Оренбург, 2004. – 26 с.
26. Религиозная ситуация и этноконфессиональные отношения // Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Ежегодный доклад, 2005. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 25–32.
27. Федорова, А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны / А.В. Федорова – Оренбург: «Оренбургское книжное издательство», 1995. – 126 с.
28. Федорова, А.В. Против религии и Церкви // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы / А.В. Федорова // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы. – М. : Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: матер. II чтений памяти проф. Т.И. Коржихиной. – М.: Издат. центр РГГУ, 1999. – С. 204-207.
29. Федорова, А.В. РПЦ на Южном Урале в 30–40-гг. XX в. / А.В. Федорова // Русская нация и русская идея: история и современность. – Оренбург, 1996. – С. 33–34.
30. Федченко, М.Н. Русская Православная Церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.) / М.Н. Федченко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – 124 с.
31. Футорянский, Л.И. Оренбуржье в защите Отечества / Л.И. Футорянский – Оренбург: Изд-во: ОГПУ, 1995. – 140 с.
32. Футорянский, Л.И. Репрессии против церкви в конце 20-х – 30-х гг. и начало ее возрождения / Л.И. Футорянский // Культура славян Оренбуржья. Оренбург, 2003. – С. 103–108;
33. Хисамудинова, Р.Р. Антирелигиозная пропаганда среди населения накануне Великой Отечественной войны / Р.Р. Хисамудинова // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург, 1998. – С. 197–199.
34. Хисамудинова, Р.Р. Деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны / Р.Р. Хисамудинова // Оренбуржье в защите Отечества. – Оренбург, Изд-во: ОГПУ, 1995. – С. 72–75.
35. Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь, верующие: 1941–1961 / Т.А. Чумаченко – М.: АИРО-XX, 1999. – 248 с.
36. Чумаченко, Т.А. Челябинская епархия в 1940–1950-е годы: духовенство, верующие, власть / Т.А. Чумаченко // Южный Урал в судьбе России: материалы научно-практической конференции. – Челябинск, 2003. – С. 348–349.
37. Якунин, В.Н. Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В.Н. Якунин – Тольятти: ОАО ПП «Современник», 2002. – 320 с.
38. Якунин, В.Н. История Самарской епархии в портретах ее архиереев / В.Н. Якунин – Тольятти: ОАО ПП «Современник», 1999. – 319 с.

Сведения об авторах:

Шакирова Эльвира Зуфаровна, старший преподаватель кафедры политологии и права
Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2253, тел. (3532) 372578, e-mail: ewelina777@yandex.ru
Баннова Валентина Исаевна, доцент кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного
университета, кандидат исторических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2209, тел. (3532) 372571